

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	223
Эпилог	469
От автора.....	475

Посвящается Шейле Кроули

Оператор: Что случилось?

Абонент: Я около аэропорта... Вижу... О господи!

Оператор: Подтвердите, пожалуйста, свое местоположение.

Абонент: Около аэропорта. Там самолет... Он перевернулся. Очень быстро падает. О господи, господи!

Оператор: Экстренные службы уже выехали.

Абонент: Но они не успеют — он (*неразборчиво*). Он разобьется, разобьется...

Оператор: Можете подтвердить, что вы на безопасном расстоянии?

Абонент: (*Неразборчиво.*)

Оператор: Абонент, у вас все нормально?

Абонент: Он разбился, разбился вдребезги. Господи, самолет горит...

Оператор: Пожарные команды придут менее чем через минуту. Скорые тоже. С вами

6 кто-нибудь еще есть?

Абонент: Самолет весь дымится — он (*неразборчиво*). Господи, что-то взорвалось, похоже на огромный огненный шар...

Оператор: Пожарные уже на месте.

Абонент: Я почти не вижу самолет, только дым и пламя. Поздно, слишком поздно. Оттуда никому живым не выбраться.

ПРОЛОГ

Не беги, иначе упадешь.

Мимо парка, вверх по склону. Жди зеленого человека, нет, еще нет...

Вот!

Кот в окошке. Как статуя. Только кончик хвоста чуть шевелится. Туда-сюда, туда-сюда.

Нужно перейти еще одну дорогу. Зеленого человека нет и регулировщицы тоже, а ведь должна быть...

Смотрим вправо-влево. Нет, еще нет...

Ну!

Не беги, иначе упадешь.

Почтовый ящик, потом фонарный столб, автобусная остановка, затем скамейка.

Большая школа, не моя. Пока не моя.

Книжный магазин, пустой магазин, потом контора риелтора, где продают дома.

Теперь мясная лавка, там в витрине висят пережваченные за шею птицы. Я зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как на меня тарачатся их глаза.

Мертвые. Все мертвые.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

8:30. Майна

— Перестань, иначе упадешь!

Шедший целую неделю снег спрессовался в наледь, и подстерегающие каждый день опасности по ночам припорашивает свежим снежком. Через каждые несколько метров мои ботинки едут дальше, чем туда, куда ступают ноги, и внутри у меня все замирает, когда я мысленно готовлюсь упасть. Мы движемся очень медленно, и я жалею, что не догадалась повезти Софию на санках.

Она неохотно открывает глаза, медленно, по-совиному, поворачивая голову от магазинных витрин, и утыкается лицом мне в рукав. Я сжимаю ее обтянутую перчаткой руку. София не выносит вида птиц, висящих в витрине мясной лавки, чьи яркие перья на шее жутковато контрастируют с безжизненными глазами, которые они в свое время отняли.

Я тоже терпеть не могу смотреть на этих птиц.

Адам говорит, что эта фобия перешла к Софии от меня, словно простуда или какое-то ненужное украшение.

— Тогда откуда она у девочки? — спросил он, когда я стала возражать. Адам вытянул вперед руки, повернувшись к невидимой толпе, будто отсутствие ответа лишь подтверждало его правоту. — Только не от меня.

Конечно, нет. У Адама нет слабостей.

— «Сейнсберис», — произносит София, оглядываясь на магазины, когда мы отходим на безопасное расстояние от птиц. Она по-прежнему произносит это название как «фейнбвис», отчего у меня сладко щемит сердце. Именно эти мгновения я очень ценю, ради которых сто́ит жить.

От ее дыхания в воздухе повисают крохотные облачка пара.

— Теперь обувной магазин. А сейча-а-ас... — София растягивает слово, выжидая, когда наступит время. — «Овощи-фрукты», — объявляет она, когда мы проходим мимо. «*Овочи-фукты*». Господи, как же я ее люблю!

Этот ритуал начался еще летом, тогда София буквально сгорала от нетерпения, так ей хотелось пойти в школу. Вопросы сыпались градом. Какая у нее будет учительница? Где они станут вешать куртки? Будет ли там пластырь, если она оцарапает коленку? *И скажи мне еще раз, какой дорогой мы туда пойдём?* Я повторяла ей снова и снова: вверх по склону, через дорогу, потом еще раз через дорогу, а затем на главную улицу. Мимо автобусной остановки около средней школы, вдоль торговых рядов, где книжный магазин, контора риелтора и мясная лавка. За угол к «Сейнсбе-

рис». К обувному магазину, потом мимо магазина «Овощи-фрукты», полицейского участка, вверх по склону мимо церкви — *и мы на месте.*

С Софией нужно иметь терпение, и это дается Адаму с трудом. Ей надо все повторять снова и снова. Убеждать, что ничего не изменилось и не изменится.

Первого сентября мы вместе с Адамом провожали Софию в школу. Взяли девочку за руки, чуть раскачивая ее между нами, будто мы по-прежнему нормальная семья, и я обрадовалась появившемуся оправданию наворачившимся у меня на глаза слезам.

— Она побежит и сразу все забудет, — сказала тетя Мо, увидев мое лицо, когда мы выходили из дома. Вообще-то, она не тетя, а миссис Уатт — слишком пафосно для соседки, которая готовит горячий шоколад и помнит все дни рождения.

Я заставила себя улыбнуться:

— Знаю. Глупо, да?

Глупо хотеть, чтобы Адам жил с нами. Думать, будто этот день значил что-то еще, нежели игру в семью ради дочери.

Мо нагнулась и ласково улыбнулась Софии:

— Желаю тебе хорошего дня, лапочка.

— У меня платье кусается, — последовал недовольный ответ, который Мо пропустила мимо ушей.

— Оно просто чудесное, милая.

Мо выключает слуховой аппарат, чтобы сэкономить на батарейках. Когда я захожу к ней, приходится встать прямо на клумбе около

окна гостиной и размахивать руками, пока она меня не заметит. *Надо было позвонить!* — всегда говорит она, словно я не давила кнопку звонка целых десять минут.

— Что дальше? — спросила я Софию в тот первый школьный день, когда мы миновали овощной магазин. Нетерпение как бы перетекало из ее ладошки ко мне в пальцы.

— Полицейский участок! — торжествующе воскликнула она. — Папин полицейский участок.

Адам работает не там, но для Софии это не имеет значения. Каждая увиденная нами полицейская машина — папина машина, а каждый полицейский в форме — папин друг.

— Потом вверх по склону.

София все запомнила. На следующий день она добавила подробностей — того, что я не видела или не заметила. Кота на подоконнике, телефонную будку, мусорный бак. Эти комментарии сделались частью ее повседневной жизни, столь же важными для Софии, как надевание школьной формы в должном порядке (сверху вниз) или стояние в позе фламинго при чистке зубов, с переменной ног синхронно с переносом щетки с одной стороны рта на другую. В зависимости от настроения эти ритуалы или чаруют меня, или же от них хочется кричать. Вот вкратце то, что значит воспитывать ребенка.

Учеба в школе ознаменовала окончание одной главы и начало другой, и мы приготовились к этому переходу, отправив в прошлом году Софию

12 в детский сад на три дня в неделю. Осталь-

ное время она находилась со мной, с Адамом или с Катей, застенчивой, красивой няней-иностранкой, приехавшей с соответствующим количеством багажа и полным незнанием английского. В среду днем она ходила на языковые курсы, а по выходным подрабатывала упаковщицей. Через полгода Катя объявила нас чудеснейшей в мире семьей и попросилась остаться еще на год. Я поинтересовалась, не в бойфренде ли тут дело, и вспыхнувшее румянцем лицо Кати подсказало, что я права, хотя она уклонялась от ответа, кто именно ее кавалер.

Я обрадовалась и одновременно испытала облегчение. Из-за наших с Адамом рабочих графиков мы не могли полагаться на детский сад в плане заботы и ухода за ребенком, к тому же позволить себе нанять няню, как делали многие мои коллеги. Я беспокоилась, не вызовет ли неудобств присутствие в доме постороннего человека, но Катя почти все время проводила у себя в комнате, общаясь по «Скайпу» с оставшимися на родине друзьями. Она также предпочитала есть одна, несмотря на постоянные приглашения разделить с нами трапезу, и пришлась кстати как помощница по хозяйству, протирая полы или сортируя белье до и после стирки, невзирая на мои уверения, что делать это вовсе не обязательно.

— Ты здесь для того, чтобы помогать присматривать за Софией и учить английский.

— Я не возражаю, — отвечала Катя. — Люблю помогать.

Однажды я вернулась домой и обнаружила у нас на кровати несколько пар носков